

Старообрядческие мотивы в творчестве поэта Николая Клюева и вехи его биографии

В. А. Бердинских

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

bva.prof@mail.ru

Аннотация

В статье автор исследует старообрядческие корни творчества известного русского поэта XIX в. Николая Клюева, особое внимание уделяя архаичным и фольклорным элементам в поэтической речи Клюева. Большой интерес представляют выводы о гуманистической основе последних стихов и поэм поэта, связанных с его неприятием коллективизации и разорения русского крестьянства.

Ключевые слова:

русская поэзия и крестьянство, старообрядцы, архаика и фольклор в поэзии, вехи биографии Николая Клюева

Николай Алексеевич Клюев родился 10 (22) октября 1884 г. в глухой деревне Коштуге Андомской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии (на Русском Севере, ныне Вологодская область) в крестьянской семье.

Отец – сиделец в винной лавке. Дед и мать – старообрядцы: первый – из «самосожженцев», вторая – сказительница, «былинница» и «вопленица». Именно от матери Н. Клюев унаследовал любовь к фольклору: песням, духовным стихам, сказам, преданиям. «Грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости обязан своей матерью», – говорил впоследствии сын-поэт [1].

В 1893–1895 гг. – учеба в церковно-приходской школе, затем – в 2-классном городском училище в Вытегре. Год учился в Петрозаводской фельдшерской школе, откуда ушел «по болезни». Крестьянским трудом не занимался никогда...

Многое в биографии Клюева известно только с его слов: это – часть его литературного образа. Некоторые эпизоды его ранней молодости просто апокрифичны и не поддаются проверке, отдельные события малодостоверны, но есть и несомненные факты, к примеру – странствия по Северу: паломничество на Соловки, пребывание в раскольничьем «Корабле»...

Стилизация – по старообрядческим книгам и канонам живой староверческой культуры – стала отличительной чертой Клюева: его речи и внешнего облика, образного

Old Believer motives in the work of the poet Nikolai Klyuev and milestones in his biography

V. A. Berdinskikh

Institute of Language, Literature and History, Federal Research

Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

bva.prof@mail.ru

Abstract

The paper considers the Old Believer roots of the work of the famous Russian poet of the XX century Nikolai Klyuev. The author pays special attention to archaic and folklore elements in Klyuev's poetic speech. Of great interest are the author's conclusions about the humanistic basis of this poet's last verses and poems associated with his rejection of collectivization and the ruin of the Russian peasantry.

Keywords:

Russian poetry and the peasantry, Old Believers, archaics and folklore in poetry, milestones in the biography of Nikolai Klyuev

мышления и литературного творчества, душевного склада и духовосприятия, мировоззрения и мироосмысления.

Эта стилизация проявляется даже в своеобразной самоаттестации: «Я – мужик, но особой породы: кость у меня тонкая, кожа белая, и волос мягкий. Ростом я два аршина и восемь вершков, в грудях двадцать четыре, а в головной обойме пятнадцать с половиной. Голос у меня чистый и слово мерное, без слюны и без лая, глазом же я зорок и сиз; нерпячий глаз у меня, неузнанный. Не пьяница я и не табакокур, но к сиропному пристрастен... В обиходе я тих и опрятен. Горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится. Лавка древесная песком да берестой натерта – моржовому зубу белей не быти...» [2].

В 1905–1906 гг. Н. Клюев участвовал в «социальных брожениях» (вел агитацию среди крестьян): на старообрядцев как многомиллионную (и, как правило, оппозиционную властям) силу тогда возлагали немалые надежды радикалы разных политических мастей (в том числе и прежде всего – социал-демократы и эсеры), а Клюев считал себя истовым старообрядцем. Сочинял «революционные» стихи. В январе 1905 г. за «распространение антиправительственных прокламаций» арестован, получил шестимесячное тюремное заключение (отбывал его в Вытегре и Петрозаводске), затем находился «под негласным надзором».

В одном из писем к А. Блоку (1909) он заявлял: «Я не считаю себя православным, да и никем не считаю, ненавижу казенного бога, пещь Ваалову Церковь, идолопоклонство «слепых», людоедство верующих...». Актерство его с сильной примесью юродства – старинного русского средства самозащиты личности в экстриме для нее – черта всей его творческой жизни.

Следует отметить, что переписка с А. Блоком (1907–1912) – это вообще важнейшая часть биографии Клюева как поэта. Именно А. Блоку он посвятил и первый сборник своих стихов (с предисловием В. Брюсова) – «Сосен перезвон» (Москва, 1912. – 90 с.).

К этому времени он (кроме того, что обошел множество старообрядческих скитов на Севере) побывал также у сектантов-«хлыстов» в Рязанской губернии (1911), откуда, по его же словам, вынес «Братские песни» – свой второй поэтический сборник (Москва, 1912. – 72 с.). В этом сборнике проявляются уже не только поэтический талант, но и некое «идущее от Лукавого» кощунство сектанта – человека, который с Богом накоротке...

Свои литературное реноме и имидж среди столичной и московской публики (светской и богемной) он выстраивал системно и целенаправленно – в образе «поэта от сохи».

Жена московского писателя С. Гарина, на квартире у которого Клюев нередко останавливался в 1913–1916 гг., вспоминала впоследствии об этом «неординарном» визитере: «Коренастый. Ниже среднего роста. Бесцветный. С лицом, ничего не выражающим, я бы сказала даже тупым. Длинной, назад зачесанной, примазанной шевелюрой. Речью медленной и бесконечно переплетаемой буквой "о" <...> Зимой – в стареньком полушубке. Меховой, потертой шапке. Несмазанных сапогах. Летом – в несмазанном, также сильно потертом армяке и таких же несмазанных сапогах. Но все четыре времени года также неизменно сам он весь обросший и заросший, как дремучий его олонецкий лес...» [3].

Свои стихи Клюев читал весьма своеобразно – нараспев, как бы мелодекламируя – и с большим успехом. По свидетельству той же Н. Гариной, поэт был человеком «очень земным», «очень неглупым, но себе на уме». Он играл роль то «блаженного», то «крестьянского пророка», то «простачка-мужичка». Склонность и способности к актерству передались ему, очевидно, от деда, водившего в свое время по окрестным селам дрессированного медведя и устраивавшего с ним представления – на потеху деревенской публике.

Проявлялась у Клюева и тяга к бытующему на Руси с древности юродству: «загадочность речей», скоморошья «шутки-прибаутки» – словом, «театр одного актера», в котором, между прочим, основной и единственный исполнитель, внешне подыгрывая «господам-зрителям», на деле и «в грош их не ставит».

Со времени первых клюевских публикаций до выхода первого сборника его стихов прошло около семи лет. Он приобрел репутацию «крестьянского поэта». И хотя религиозная образность, диалектизмы сочетаются в его сти-

хах (как зорко подметил Вольфганг Казак) с некоторыми приемами символизма, все же он создает свою, глубоко оригинальную и самостоятельную поэтику. Она вполне независима от минорной лирики А. Кольцова, И. Никитина, И. Сурикова и зиждется сугубо (или в большей степени) на первозданной народной песне.

Стихи Клюева, выдержанные в стиле народных плачей, духовных песнопений, ярко орнаментальны. Их театрально-обрядовая, музыкально-напевная сторона до сих пор остается не вполне осознанной отечественным литературоведением. Они густо населены миром крестьянских вещей в их мифологическом преломлении и святыми угодниками из древнерусской жизни: Медост и Микола Мокрый, Егорий на коне и Власий со скотом... Старообрядческие формы русской крестьянской культуры – главная ценность в мире для автора. Идеи мученичества страстотерпцев, умерщвления плоти как средства преодоления природной греховности (идеи скопчества); аскетизма, связанного вверигами и постничеством, поиски легендарного Беловодья – все это и многое другое нашло отражение в стихах Клюева (особенно до 1918 г.).

Нельзя не уловить в них и тональность обличительного пафоса, идущего от протопопы Аввакума – лучшего русского писателя XVII в.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
«К костру готовьтесь спозаранку», –
Гремел мой прадед Аввакум.
(Из стихотворения «Где рай финифтяный и Сириин...»).

Значительная часть клюевских стихов этнографична – в лучшем смысле этого слова. В них – живая суть сельского быта, лишенная внешней экзотики, но наделяющая своим голосом все предметы крестьянского обихода. Таковы его лучшие поэмы «Мать – Суббота» и «Заозерье», значительная часть его лирики.

Как поэт Клюев совершенно самобытен, и в зрелый период своего творчества он – в своих поисках новых путей русской поэзии – уже не только не эпигонствует, но и противостоит и символистам, и акмеистам. Любимые его поэты – француз П. Верлен, австриец Р. М. Рильке, древнееврейский царь Давид.

Клюевский стих удивительно многообразен: он то архаично-стилизован, то изыскан, то просторечно-озорноват, то лирически-символичен... Русь в нем – осознанно вневещная: это – сказочная «Белая Индия», утопический мужицко-крестьянский «Рай».

Горыныч, Сириин, Царь Кашей, –
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая.

Даже пытаясь приспособиться к советской власти в своем цикле стихов «Ленин», Клюев идет от старообрядческого пафоса неприятия старой власти.

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

Пытаясь отстоять жизнь крестьянской культуры, поэт неизбежно попадал под топор большевистской диктатуры.

Не хочу Коммуны без лежанки,
Без хрустальной песенки углей!
В стихотворной тягостной вязанке
Думный хворост, буреломник дней.

(Цикл «Красный рык» из второй книги «Песнослава»).

В 1916 г. Клюев пытается организационно объединить и возглавить «новокрестьянских» поэтов (С. Клычков, П. Орешин, В. Ширяевец и др.). Попытка заканчивается, в общем-то, неудачей...

На какое-то время тесно связан с С. Есениным – отношениями своеобразной «дружбы-вражды». Широко (и скандально) известно их совместное участие в «литературных играх-посиделках» при императрице Александре Федоровне...

После 1917 г. в творчество Клюева вмешивается мощная политизированная, злободневно-публицистическая струя. В 1918–1920 гг. он состоит членом РКП(б), откуда, правда, его исключили «за религиозность». Сближается, как и С. Есенин (которого, кстати, в детстве воспитывал дед-старообрядец), с левыми эсерами, хотя, в сущности, остается радикально левым народником, «переодетым» под крестьянина... Впрочем, сотрудничество с левозеровской литературной группой «Скифы» приносит для поэта и определенные практические результаты: в берлинском издательстве последней в 1920–1922 гг. выходят сразу три сборника его стихов.

А в Петрограде в 1919 г. издается самое полное (в двух книгах) собрание стихов Клюева – «Песнослов» (Пг., 1919. – 10.000 экз.; Кн. 1 – 320 с.; Кн. 2 – 256 с.). Несмотря на некоторую политизированность, творческие итоги 1918–1919 гг. представляют собой вершину поэтической жизни Клюева.

Но отношение властей к нему уже в начале 1920-х гг. резко меняется. И главная причина этого кроется, несомненно, в отчетливом переходе поэта на позиции твердой защиты разрушаемых большевистским режимом устоев крестьянской жизни.

Поразительное творческое достижение Клюева – поэма «Мать-Суббота», в которой одухотворение всех вещей в крестьянской избе перерастает в проповедь высокого гуманизма обычной жизни («лада») русского крестьянина:

Ангел простых человеческих дел
В избу мою жаворонком влетел,
Заулыбалися печь и скамья,
Булькнула звонко гусыня-бадьа,
Муха впотымах забубнила коту:
«За ухом, дяденька, смой черноту!»

1922

Языческое, старообрядческое и просто христианское переплавлены в его поэзии в межвременное искусство – это тайное предчувствие гибели русской крестьянской культуры. Отсюда и духовная мощь поэта в лучших своих творениях.

Советская официальная критика по отношению к поэту приобретает все более жесткие (и даже жестокие) формы. Не исправила положения и книжка стихов «Ленин», вы-

шедшая в 1924 г. тремя изданиями. Игра Клюева с властью заранее обречена на поражение. Изымается цензурой его «Плач о Есенине» (1926). Расхожим применительно к нему становится ярлык «кулацкий поэт». После публикации поэмы «Деревня» (1927) и выхода сборника «Изба и поле» (Ленинград, 1928. – 108 с. – 3 тыс. экз.) этот ярлык приклеивается к нему намертво, а издание его стихов в СССР полностью прекращается почти на полвека...

В 1923–1932 гг. поэт живет в Ленинграде. Писатель Геннадий Гор так сюрреалистически вспоминает облик его городской квартиры конца 1920-х гг.: «Но вот дверь открылась, и вместе с ней открылось нечто, не поддающееся реалистическим мотивировкам. Перед нами была изба, по бревнышку перенесенная из Олонецкой губернии и собранная заново, разместившаяся в петербургской квартире.

Между бревен торчал мох. Из щелей выполз таракан. Под дощатым потолком были полати. Большая русская печь занимала половину избы. Перед печью стояла квашня. За простым дощатым столом сидел человек с большим бабьим лицом. Борода казалась приклеенной. В углу висел портрет Богородицы кисти Симона Ушакова – одновременно икона и историческая реликвия. Клюев, сложив совсем по-бабьи на животе руки, заговорил, окая и причитая, о погоде, почему-то о льне, гумне и деревенском густом сусле».

Конечно, все это – существенные элементы жизнетворчества Клюева. Многое здесь отмечено и «гендерными перверсиями». Но если такого рода «девиации» у М. Кузьмина – это нечто от нравов «империи времен упадка» (позднеримских терм и т. п.), то в поэзии Клюева они – от какого-то доморощенного сектантства, в частности – от «хлыстовского радения». Христос для поэта – «невеста и жених одновременно». Во всяком случае, именно в этом ключе выдержаны его стихи о «скопчестве»:

О скопчество – страна, где бурый колчедан
Буравит ливней клюв, сквозь хмару и туман,
Где дятел-Маята долбит народов ствол
И Оспа с Колтуном наостривают кол...

Сам же Клюев вершиной своего творчества считал поэму «Погорельщина» (написана в 1927 г., впервые опубликована лишь в 1991 г.).

На рубеже 1920–1930-х гг. поэт вместе со своим молодым другом – художником Анатолием Кравченко, проводит три лета подряд в вятской деревне Потрепухино (близ г. Кукарки, ныне – Советска). Дружба с красивым художником носила, по словам одного из современников, «не-стандартный характер».

В 1929 г. они жили здесь в августе–сентябре (Клюев пишет поэму «Каин»), в 1930 г. также в августе–сентябре (пишет поэму «Последняя Русь» – первоначальное название «Песни о Великой Матери»), в 1931 г. – жили в июле–сентябре (пишет вторую и третью части «Песни о Великой Матери» – так и осталась незаконченной). Судя по всему, здесь, в Потрепухине, ему удивительно легко работалось. И это немудрено – полноводная Вятка, сосновый бор и луга – все рядом. Отличный воздух и доброжелательные

вятские крестьяне, а также дешевые продукты питания, по сравнению со столицами, – все это способствовало творческой работе.

По просьбе известного вятского писателя-краеведа Е. Д. Петряева журналист районной газеты в г. Советск (Кукарке) Н. Позмогов в 1975 г. опросил хозяина дома, где жил Клюев, Ивана Филипповича Куликова (к тому времени ему было уже около 80 лет). По его словам, в деревне Клюева звали Львом Николаевичем (как Толстого – В. Б.) – за бороду и длинную белую рубашку из холста. Приезжал поэт иногда не только с Анатолием Кравченко, но и с его братом Борисом. Отец хозяина позировал художнику для портрета. Клюев вставал, по словам Куликова, рано; уходил в поле, в лес, к реке и постоянно про себя «бунчал» (бормотал). Затем, возвращаясь домой, просил хозяев не разговаривать и диктовал стихи Борису. Тот их записывал.

«Приезжал Клюев с двумя художниками, – говорит И. Ф. Куликов. – Одного звали Борис, другого Анатолий. <...> Иногда что-то целый день "бунчал". Это он вроде про себя песни пел. Возвращаясь, говорил тятя: "Ни слова. Чтоб тишина!" В это время Борис (скорее, все же Анатолий – В. Б.) садился за стол напротив Клюева и записывал все, что ему диктовал поэт. <...> Анатолий посадит, бывало, моего тятю, наденет на него шляпу, голубую рубашку с белыми горошками и рисует с него портрет. Так продолжалось часами. <...> Да, а как-то построили баню из сосновых бревен. Клюев туда и перебрался. Писал в ней днями. Там для него сделали столик, вместо койки поставили топчаны. Баня-то вон и сейчас стоит». Этот обычный крестьянский дом в три окошка на улицу в конце деревни с тесовыми воротами, лавочкой для сиделок и баней в огороде еще сохранился. Около дома яблони, калина, вишня. Вид отсюда прекрасный – на покатый берег к р. Вятке, поросший лесом и кустами. На другой стороне реки чудные заливные луга со свежей зеленью. Напоследок Иван Филиппович рассказал журналисту, что в 1920-е гг. повадились сюда артисты, художники, писатели из Ленинграда. Сначала их, видимо, подталкивало трудное голодное время; а затем стали ездить просто на отдых [4].

В 1932 г. поэт перебирается из Ленинграда в Москву. Средств к существованию – практически никаких. Советская печать для него закрыта. Критика свирепствует. Посвященная Клеуеву статья в «Литературной энциклопедии» (1931) напоминает, скорее, политический приговор: «...Поэмы "Деревня" и "Плач по Есенину" (1927) – совершенно откровенные антисоветские декларации озверелого кулака. Клеуев открыто проклинает революцию <...> и предрекает, что "мужик сметет бородою" новое татарское иго...» [5].

Чтобы хоть как-то «пробиться», поэт пытается внешне мимикрировать, пишет, в частности, слабый и конъюнктурный цикл «Стихи из колхоза» (1932–1933). Все оказывается тщетным...

Да и по сути своей его поэзия («Песни Гамаюна», цикл «Разруха» и др.) остается неприкрыто антибольшевистской. Он не приемлет ни индустриализацию, ни – тем бо-

лее! – коллективизацию, которая уничтожила российское крестьянство:

То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фёкла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи...

Рукописи своих стихов поэт предоставляет для ознакомления другим литераторам, сам декламирует в чужих гостиницах и дружеских компаниях... И беда не заставила себя ждать: сочувствовавший и помогавший ранее Клеуеву в жизненных трудностях И. Гронский (тогда – главный редактор журнала «Новый мир»), возмущившись «антисоветчиной» клеуевских стихов, «растлевающих» литературную молодежь, «сигнализировал» об этих «возмутительных фактах» руководству «органов». После его телефонного звонка исполняющему обязанности председателя ОГПУ Г. Ягоде и с «высочайшей» санкции И. Сталина 2 февраля 1934 г. Н. Клеуев был арестован.

На допросах поэт показал: «Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту русской народной жизни, причем это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей <...> Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение. Такое восприятие выражено в стихотворении, в котором я говорю:

Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым
О ржавый череп чистя нос,
Он трубит в темь: колхоз,
Колхоз...

Вопрос: Кому вы читали и кому давали на прочтение цитируемые здесь ваши произведения?

Ответ: Поэму "Погорельщина" я читал главным образом литераторам, артистам, художникам. Обычно это бывало на квартирах моих знакомых, в кругу приглашенных ими гостей. Так, читал я "Погорельщину" у Софьи Андреевны Толстой, у писателя Сергея Клычкова, у писателя Всеволода Иванова, у писательницы Елены Тагер, группе писателей, отдыхавших в Сочи, у художника Нестерова...» [6].

Решением Особого совещания при ОГПУ от 5 марта 1934 г. Клеуев, обвиненный по статье 58-10 Уголовного кодекса («контрреволюционная агитация», а также «создание монархической и церковной организации писателей»), был подвергнут 5-летней ссылке и отправлен в поселок Колпашево Нарымского края (ныне – город Колпашево Томской области).

Сохранились письма поэта из ссылки. Они вопиют о том, что условиями голодного быта он был поставлен там на грань жизни и смерти. По ходатайствам некоторых знакомых и неравнодушных к нему людей он осенью 1934 г. переводится в Томск. Но и здесь творчески работать из-за нужды почти невозможно.

Здоровье поэта разрушено. В марте 1936 г. его разбивает паралич, после которого он долго не мог восстановиться... Ну а пережить «большой террор» ему было не суждено «по определению»: областное УНКВД просто не могло миновать его в поисках подходящей фигуры при своих фабриках «дел» о надуманных «контрреволюционных организациях» – Ключев подходил для этого, как никто другой.

5 марта 1937 г. он вновь арестован, в июне тройкой при УНКВД как участник вымышленной «монархо-кадетской организации "Союз спасения Родины"» и за «контрреволюционную повстанческую деятельность» признан подлежащим «высшей мере наказания» и осенью (предположительно 23 или 25 октября) того же года расстрелян в Томской тюрьме... [там же].

Первая его посмертная (и послереабилитационная) книга увидела свет лишь в 1977 г.

Как поэт Ключев занимает в отечественной литературе достойное место – ничуть не ниже С. Есенина. А в наши дни ценность его редкого поэтического дарования, питавшегося жизнелюбием и духовной мощью русского крестьянства, еще более возросла. Крестьянство в России XX в. уничтожено полностью, но голос, цвет, вкус и запах того утраченного мира ныне востребованы как один из источников исторической самоидентификации народа.

Конечно, в своем литературном творчестве Ключев удивительно разнороден и даже противоречив: поэт из деревни – но не крестьянин по сути свой; религиозный старообрядец – но по всем формально-церковным канонам богохульник; «неонародник» – и мистик; враг «машинного города» – но при этом проведший значительную часть своей жизни (и желавший жить) именно там; самостоятельный и оригинальный поэт – и одновременно изощренный стилизатор фольклорного и архаичного пластов русской речи...

Но ведь как раз на сопряжениях всех этих противоречий и расцветал его самобытный (и посему – одинокий) поэтический талант. Нелишне также помнить: это единственный крупный русский поэт XX в., поднявший свой голос против сталинской коллективизации – гуманитарной катастрофы, уничтожившей миллионы крестьян [7].

Нам вести душу обожгли,

Что больше нет родной земли.

Может быть, это и есть реальное проявление подлинного гуманизма.

Информация об авторе:

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Author:

Viktor A. Berdinskikh – Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Серебряный век русской поэзии / под ред. Н. В. Банникова. – Москва, 1993. – С. 419.
2. Подробнее см.: Бердинских, В. А. История русской поэзии. Модернизм и Авангард / В. А. Бердинских. – Москва, 2013. – С. 414.
3. <http://www.booksite.ru/klyuev/>.
4. Позмогов, Н. Д. Друг Есенина / Н. Д. Позмогов // Ленинское знамя (Советский район Кировской области). 1975. 22 ноября.
5. Литературная энциклопедия. – Москва, 1931. – Т. 5. – С. 326.
6. <http://www.vcisch2.narod.ru/KLYUEV/Klyuev.htm>
7. Подробнее см.: Азадовский, К. М. Николай Ключев. Путь поэта / К. М. Азадовский. – Ленинград, 1990; Шенталинский, В. А. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ / В. А. Шенталинский. – Москва, 1995.

References

1. Serebryannii vek russkoi poezii [Silver age of Russian poetry]. – Moscow, 1993. – P.419.
2. Podrobnее sm.: Berdinskikh V. A. Istpriya russkoi poezii. Modernizm i Avangard [For more details see: Berdinskikh V. A. History of Russian poetry. Modernism and Avant-Garde]. – Moscow, 2013. – P. 414.
3. <http://www.booksite.ru/klyuev/>. (дата обращения: 15.10.2023).
4. Pozmogov, N. D. Drug Esenina [Esenin's friend] / N. D. Pozmogov // // Leninskoe znamya (Sovetskii raion Kirovskoi oblasti [Lenin's Banner (Soviet district of the Kirov region)]. – 1975. – November 22.
5. Literaturnaya enciklopediya [Literary encyclopedia]. – Moscow, 1931. – Vol.5. – P. 326.
6. <http://www.vcisch2.narod.ru/KLYUEV/Klyuev.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
7. Podrobnее sm. [For more details see]: Azadovsky K. M. Nikolai Klyuev. Put' poeta [The poet's path]. – Leningrad, 1990; Shentalinsky V. A. Raby svobody. V literaturnih arhivah KGB [Slaves of freedom: In the literary archives of the State Security Committee]. – Moscow, 1995.

Для цитирования:

Бердинских, В. А. Старообрядческие мотивы в творчестве поэта Николая Клюева и вехи его биографии / В. А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67) – С. 116–121.

For citation:

Berdinskikh, V. A. Old Believer motives in the work of the poet Nikolai Klyuev and milestones in his biography / V. A. Berdinskikh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 1(67). – P. 116–121.

Дата поступления статьи: 31.10.2023

Прошла рецензирование: 03.11.2023

Принято решение о публикации: 06.11.2023

Received: 31.10.2023

Reviewed: 03.11.2023

Accepted: 06.11.2023